

Теллер В.Н.

15/IV-88.

«Вечерняя Москва»

1988, 15 апреля

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕАТР 1966 ГОДА

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА О СУДЬБЕ СПЕКТАКЛЯ «ТЕРКИН НА ТОМ СВЕТЕ»

26 марта «Вечерняя Москва» опубликовала заметку о судьбе спектакля Московского театра сатиры «Теркин на том свете» и три фотографии из этой постановки. Материал вызвал интерес, и отнюдь не только у любителей театра. В письмах по телефону читатели просят рассказать о замалчивавшейся в течение двух десятилетий одной из интереснейших страниц истории советского театрального искусства. Мы попросили народного артиста СССР В. Н. ПЛУЧЕКА поделиться воспоминаниями об этом спектакле.

— Летом шестьдесят пятого года в газете «Известия» прочитал поэму Александра Трифоновича Твардовского «Теркин на том свете» и был потрясен. Я понял, что не просто хочу поставить ее на сцене своего театра, а, если на то пошло, не имею права ее не поставить, что это моя нравственная обязанность, мой долг перед множеством дорогих и близких, прекрасных людей, уничтоженных в

годы сталинизма, перед моим учителем, величайшим режиссером, художником-коммунистом Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом, расстрелянным в 1940 году. «Тот свет» в поэме «Теркин на том свете» — это мир сталинизма, доведенный до мрачного гротеска, принявший формы абсурда. Но спектакль должен был быть не только трагичным, но и смешным, издевательски смешным, ибо осмеянное перестает быть страшным. Это являлось для меня крайне важным. Было жизненно необходимо убить страх перед Сталиным, осмеянием развевать верноподданнический миф, уничтожить фальшивый ореол избранничества и высшей мудрости.

Я решил, что инсценировки никакой делать не буду. Просто взял текст любимой поэмы (по объему он соответствовал обычной пьесе) и «раскидал» между исполнителями, благо, в поэме много диалогов.

Спектакль начинался с того, что сам же Василий Теркин произносил:

«Тридцати неполных лет —

Любо ли, не любо —

Прибыл Теркин

на тот свет,

А на этом убыл».

Отрицательные персонажи, обитатели «того света» тоже сами о себе рассказывали, например, Генерал-покойник:

«И выходит к поездам,

Важный и спокойный, Того света комендант Генерал-покойник».

Действие комментировали два хора, находившихся друг против друга на противоположных сторонах сцены, две группы, антагонистические, враждебные одна другой: хор фронтовиков, друзей и соратников Теркина (в этом хоре одним из основных был юный артист Андрей

Ромадин. Музыку написал Р. Щедрин.

Руководящие органы долго не решались дать нашему спектаклю право на жизнь, но 6 февраля шестьдесят шестого года премьера состоялась. «Теркин на том свете» прошел 21 раз, последнее представление — 28 июня. Несмотря на поистине героическое сопротивление Александра Трифоно-

дителем, имели богатейший опыт борьбы с «запрещающими инстанциями», и вряд ли трагедия с «Теркиным» была для вас неожиданностью.

— Конечно, я знал, на что иду, и был готов к жестокой схватке и к возможности поражения в этой схватке.

Другую мою выстраданную работу: «А был ли Иван Иванович?» Назыма

Когда я наедине с Твардовским поделился своим намерением, он ответил: «Не смей! Не смей отдавать театр. Тебя здесь специально провоцируют на это, именно ради этого от тебя добиваются. Мы с тобой не имеем права уходить, мы обязаны держаться до конца. Что бы ни случилось в твоей жизни — не сдавайся!».

— Вероятно, «Теркин на том свете» в Театре сатиры — высшая точка развития советского политического театра шестидесятих годов, да и не только шестидесятих. Богородство и глубина спектакля были в том, что зрителя приглашали думать, сопереживать, политическая острота не являлась самоцелью, а вытекала из драматизма и мудрости восприятия жизни. Зритель на этом спектакле не предлагали взять микрофон и вслух порассуждать на политические темы, но иногда возмущенные сталинисты не выдерживали, в зале во время действия раздавались негодующие и протестующие крики, им столь же резко возражали те, кто разделял позицию создателей спектакля...

— Поверьте, меньше всего я хотел кого бы то ни было запугивать, о слишком серьезных, больных, трагических вещах шла речь, чтобы делать из них аттракцион. И дорожее всего мне в горьких, но все-таки и светлых вос-

поминаниях о «Теркине на том свете» не внешние приметы успеха (хотя и это, конечно, важно), а то, как дружно и сердечно работали мы с Твардовским, как самоотверженно играли Анатолий Папанов (Василий Теркин), Борис Новиков (Его друг), Владимир Раутбарт (Редактор Гробгазеты) и многие другие. Им всем я бесконечно благодарен.

— Некоторые авторы писем, присланных в редакцию, спрашивают, а почему бы вам не восстать против «Теркина на том свете», тем более есть прецедент: в конце восьмидесяти шестого года вы возродили другой свой выдающийся спектакль — «Самоубийцу» Н. Эрдама, поставленный в восьмидесяти втором году и тогда же запрещенный.

— К сожалению, поздно. За два десятилетия очень сильно изменился язык всего театрального искусства, и мой собственный режиссерский стиль теперь иной. Я не могу допустить, чтобы мой любимый спектакль выглядел музейным экспонатом. Верность памяти «Теркину на том свете» выражу иначе: приложу все силы, чтоб мои новые работы столь же соответствовали нашему времени, как соответствовал своему времени «Теркин на том свете».

Беседу провел С. БОРИСОВ.
НА СНИМКЕ: сцена из спектакля.

Миронов) и хор номенклатурных работников, обозначенных в программке, как Читатель — дока (их лидер — Георгий Менглет). Фронтовикам были отданы задушевные, лирические строки Твардовского, текст Читателя — доки составили злобные и жесткие возражения, которые автор вложил в уста своих возможных оппонентов. Оформили спектакль художники С. Алимов и М.

вич, спектакль был за-прещен.

Потрясение, которое мы все пережили, невозможно до конца выразить словами. Мы были потрясены и как граждане, но, прежде всего, как художники, на глазах у которых уничтожают их любимое произведение.

— Валентин Николаевич, но ведь в 1986 году вы были уже многоопытным театральным руково-

Хикмета, где блистательно играли Борис Тенин и Анатолий Папанов, в 1957 году нам удалось показать всего пять раз... Но есть вещи, к которым невозможно привыкнуть.

Тогда, в те черные дни 66-го, измученный, опустошенный и подавленный, я подумал: «Единственное, что осталось, — в знак протеста уйти из театра, швырнув в лицо своим противникам заявление».